

2. Андреева, Е. П. Фонетически мотивированные слова в вологодских говорах (на материале лексики природы) / Е. П. Андреева // Говоры Вологодского края: аспекты изучения. – Вологда, 2008. – С. 46–59.
3. Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. – М., 1957.
4. Васильев, Л. М. Семантика русского глагола: глаголы речи, звучания, поведения / Л. М. Васильев. – Уфа, 1981.
5. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М., 1997.
6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1–4 / В. И. Даль. – М., 1994.
7. Диалектологический атлас русского языка: центр Европейской части СССР. Вып. I–III. – М., 1986–1996.
8. Долгушев, В. Г. Лексика вятских говоров в ареальном и ономастическом аспектах / В. Г. Долгушев. – М., 2006.
9. Ивлиева, И. В. Русские глагольные модификации (опыт составления словаря) / И. В. Ивлиева. – М., 2008.
10. Курашкина, Н. А. Звукообозначения как репрезентация звукофферы в языке (на материале английских, французских и русских антропо- и орнитофонов): дис. ... канд. филол. наук / Н. М. Курашкина. – Уфа, 2007.
11. Курашкина, Н. А. Особенности языкового отражения вокализации птиц (на материале английских, французских и русских антропо- и орнитофонов) / Н. М. Курашкина // Вестник Башкирского университета. – 2009. – Т. 14. – №3. – С. 806–808.
12. Лексический атлас русских народных говоров: пробный выпуск. – СПб., 2004.
13. Млекопитающие Советского Союза: в 3 т. Т. 1. Парнокопытные и непарнокопытные. – М., 1961.
14. Млекопитающие Советского Союза: в 3 т. Т. 2. Ч. 1. Морские коровы и хищные. – М., 1967.
15. Словарь пермских говоров. Вып. 1–2. – Пермь, 2000.
16. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–44. – Л.; СПб., 1965–2013.
17. Словарь современного русского литературного языка: в 4 т. Т. 1–4. – М., 1985–1988.
18. Полевые признаки бурого медведя // Справочник по хищным и копытным животным. – URL: <http://predatory.ru/714-polevye-priznaki-burogo-medvedya.html>. – Дата обращения: 20.07.2014.
19. Тишина, Е. В. Русская ономастика: диахронный и синхронный аспекты обучения: дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Тишина. – Волгоград, 2010.
20. Шаброва, Е. Н. Морфемная структура диалектного глагола и проблемы лингвогеографии / Е. Н. Шаброва // Словообразовательные и грамматические категории в языке и речи. – Вологда, 2006. – С. 164–170.

УДК 81'276.6

Э. В. Гафиятова

Казанский государственный университет

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПОДЪЯЗЫК ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА КАК ПОЛЕВАЯ ДВУХУРОВНЕВАЯ СТРУКТУРА

Представленная статья написана в рамках описательной социолингвистики. Объектом исследования является язык профессионального сообщества лесного хозяйства. Описанию внутренних связей элементов рассматриваемого подъязыка предшествует короткий экскурс в историю развития подъязыков (социолектов), в котором автор отдельно рассматривает такие понятия, как: «языки для специальных целей», «специальные подъязыки», «терминология», «номенклатура». Актуализация двухуровневой структуры рассматриваемого подъязыка осуществляется в высоком и низком регистрах соответствующего институционального дискурса.

Язык для специальных целей, языковая норма, дефиниция, кодифицированный и некодифицированный подъязык, профессиональный язык, норма.

The article describes professional language of a wood industry specialist. The author considers the concepts «languages for special purposes», «special sublanguages», «terminology» and «nomenclature». Actualization of two-leveled structure of the sublanguage under consideration is done in high and low registers of the respective institutional discourse.

Language for Specific Purposes, language norm, codified and uncoded sublanguage, professional language, definition, norm.

Введение.

Своеобразие социальных и профессиональных групп, их историческое развитие, в конечном счете, является причиной становления и распада соответствующих форм существования языка – социолектов и профессиональных подъязыков. Социальные и профессиональные разновидности языка – явление, исторически обусловленное и вполне закономерное, поскольку различные группы людей, объединенные практической деятельностью, могут иметь специфические, присущие только им интересы и потребности, для обслуживания которых возникают соответствующие формы существования языка. Очевидно,

что профессиональный язык как одна из форм языка возникает преимущественно в результате стремления членов языкового коллектива устранить существующую языковую аппроксимацию, при которой способы наименования референтов, имея высокую степень приблизительности, перестают удовлетворять пользователей. Специализация отдельных отраслей знания детерминирует необходимость создания общепринятой в данной отрасли и смежных отраслях терминологии. Глобализация мировой экономики привела к появлению широкого пласта терминологии, разделяемой специалистами разных стран. Языки отдельных наук – наилучшее этому доказа-

тельство. Например, стандартизированный термин лесной отрасли **закомелистость** (англ. **butt swelling**) в значительной степени предпочтительнее, чем описательное «резкое увеличение диаметра в нижней части ствола» по целому ряду причин: он лаконичен, однозначен в данной профессиональной сфере, соответствует нормам языка, мотивирован и обладает некоторой деривационной способностью, является частью системы терминов и номенов лесной промышленности [5, с. 30–37].

Основная часть.

Термин "Language for Specific Purposes" появился в лингвистике в 1970-е гг. первоначально в работах специалистов в области германистики, позднее появилась калька с указанного термина – язык для специальных целей. Термин активно используется до настоящего времени [7], [14], однако ученые не пришли к единому мнению относительно сферы использования указанного и несколько позднее появившегося термина – «язык для специальных общих целей» (LGP – Language for General Purposes). Признанным остается только факт применения указанных терминов к двум сферам: общая лексика и специальная лексика, что, соответственно, указывает на различия знаков данных «языков» по двум параметрам: семантика и функции. Очевидно, что единицы языка для специальных целей (ЯСЦ), используя формы языка для общих целей (ЯОЦ), в отличие от знаков последнего имеют (1) общепризнанную специалистами данной области, строго определенную референциальную область и (2) функционируют в профессиональном дискурсе. При использовании знаков ЯСЦ в неспециальной коммуникации они обретают новые семантические признаки и, как правило, выполняют дескриптивные и характеризующие функции, но не номинативные.

В ряде современных работ используется более лаконичный и ставший в отечественном языкознании популярным термин «подъязык»: «Специальные подъязыки (LSP – Languages for Special Purposes) характеризуются ранговым иерархическим построением, <...> при реализации усиливает фактор специфичности частных подсистем. Подъязык науки как организованная семантическая подсистема существует не изолированно, а в системе общелитературного языка, внося специфику в общую систему языка» [12].

Термин «подъязык» ("sublanguage") стал использоваться в языкознании уже в 1960-е гг. в значении «набор языковых элементов и их отношений в текстах с однородной тематикой» [1, с. 23]. Позднее термин подъязык стали понимать как «один из вариантов реализации общепрофессионального языка, используемый ограниченной группой его носителей в условиях как официального, так и неофициального общения» [2, с. 4]. В современной научной литературе термин «подъязык» используется как родовой для обозначения лексических систем, обслуживающих определенную область науки, культуры, производства и характеризующихся рядом структурно-функциональных, семантических, прагматических характеристик [16].

В. П. Коровушкин в работе «Контрастивная социолектология как автономная лингвистическая дисциплина» доказывает неправомерность отождествления социолектных нестандартных лексических систем с самими социолектами [10]. Дефиниция подъязыка (или субъязыка) Коровушкина В. П. базируется на понятии социалингвистических норм первого и второго уровней. Под языковой *нормой* при этом понимается совокупность наиболее устойчивых, освященных традицией языковых средств и правил их употребления, принятых в данном обществе в данную эпоху. В рамках языка/подъязыка норма как инвариант и абстрактное понятие объективируется в норме первого уровня (стандарт, литературная норма, код) и норме второго уровня (субстандарт, субкод, жаргон). Подъязык есть «исторически сложившаяся, относительно устойчивая для данного периода автономная экзистенциальная форма национального языка, обладающая своей системой взаимодействующих социалингвистических норм первого и второго уровней, представляющая собой совокупность некоторых фонетических, грамматических и, преимущественно, специфических лексических средств общепрофессионального языка, обслуживающих речевое общение определенного социума, характеризующегося единством профессионально-корпоративной деятельности своих индивидов и соответствующей системой специальных понятий» [11].

Устанавливая связь между понятиями «форма языка» и «экзистенциальная форма», В. П. Коровушкин определяет последнюю как социально-вариативную конститутивную форму «существования социально-коммуникативных архисистем, обладающей собственной иерархически структурированной системой единиц всех языковых уровней, с различной степенью коммуникативной автономности, особыми функциями и специфическим социумом, который она обслуживает». Степень автономности формы определяется в зависимости от возможности одновременного функционирования двух экзистенциальных языковых форм в пределах СКС (автономная форма), одновременного функционирования отдельных структурных элементов одной из двух взаимодействующих форм существования языка в пределах единой СКС (полуавтономная форма) и одновременного функционирования ведущей экзистенциальной формы и отдельных строевых элементов другой неэкзистенциальной формы в пределах единой СКС (неавтономная форма).

Профессиональный подъязык – имеет три формы: **я з ы к - т е к с т** – множество всех текстов, созданных профессиональным сообществом; **я з ы к - с и с т е м а** – множество знаков языка; **я з ы к - м и р** – языковая картина профессиональной языковой личности [9], [16].

Двудиалектность, в определенной степени диглоссия профессиональной языковой личности возникает только в условиях длительной социализации, аккультурации личности в профессиональном коллективе, в ходе которой осваиваются не только языковая система и язык-мир, но создаются тексты институционального дискурса.

Инвентарь профессионального подъязыка может быть описан как поле в терминах ядра и периферии. В основе деления – функционально-семантический признак: *ядро профессионального подъязыка* составляют единицы, имеющие тематическую соотнесенность с основными производственно-профессиональными субъектами, процессами, объектами и функционирующие во всех профессиональных сообществах, использующих данный профессиональный подъязык. Как правило, это единицы, построенные по моделям общенационального языка. *Периферию* лексико-терминологического инвентаря профессионального подъязыка составляют единицы:

1) функционально связанные с одним или несколькими микросоциумами внутри профессионального сообщества (прозвища, функционирующие в отдельных компаниях, предприятиях, региональные и территориальные единицы);

2) устаревшие и окказиональные термины и профессионализмы.

Тематически единицы периферии профессионального подъязыка в одних случаях могут сохранять соотнесенность с объектами соответствующей профессиональной сферы, а в других – утрачивать эту связь.

Таким образом, профессиональное общение обеспечивается единицами первого уровня (термины и номены) и второго уровня субстандарта (профессионализмы, депрофессионализмы, квазипрофессионализмы).

Большинство ученых разделяют точку зрения о том, что *термины* представляют собой наиболее регулируемую часть словарного состава языка, в определенном смысле – наиболее искусственную, сознательно создаваемую и предусматривающую регламентацию. Основные признаки терминов:

1) точное соотношение со специальным понятием;

2) системность – принадлежность к определенной терминологии;

3) однозначность или стремление к однозначности;

4) парадигматичность – способность реализовывать свое значение вне контекста [15]. Современная терминология базируется на признании терминами только тех единиц, которые соответствуют ряду формальных, семантических и прагматических параметров. Рассмотрим примеры из области лесной промышленности. Например, вышеуказанный термин – **закомелистость** – соответствует всем семантическим параметрам, предъявляемым к терминам: непротиворечивость семантике, однозначность, полноточность, отсутствие синонимов. Очевидна и систематичность данного термина: он имеет словообразовательное гнездо с вершиной **комель**, в состав которого входят термины **закомелистость**, **закомелисты**.

Благодаря прозрачной (для специалиста) внутренней форме и очевидному морфемному составу (за-комел'-ист-ость) деривационная способность данного термина достаточно высока: в профессиональном дискурсе функционирует целый ряд одно-

коренных слов. Например, «*Их новизна заключается в оцилиндровке **закомелистых** сортиментов непосредственно на лесосеке специальным модулем, который дополнительно смонтирован на харвестерной головке с измененным протаскивающим механизмом. ... При раскряжевке первого сортимента производится сортировка, при которой первый **закомелистый** сортимент укладываются в непосредственной близости от машины...*» [6]. «Что такое сбежистость бревен? Такой термин используют специалисты, можно объяснить это разность в диаметре бревна между маковкой и **комлем**» [3].

Его формальные признаки – нормативность, краткость – детерминируют высокую частотность в профессиональном дискурсе. Например, «... и для сортиментов с **закомелистостью** разработано оборудование, встраиваемое в технологическую линию подготовки сортиментов для удаления этого порока. ... При загрузке сортиментов с **закомелистостью** резко снижается полноточность пачки сортиментов загружаемой в конник автопоезда лесовоза» [6].

Прагматическими требованиями, обусловленными особенностями функционирования термина, выступают его общепринятость и употребительность в сфере профессиональной коммуникации, интернациональность, современность, благозвучность [5, с. 30–37].

Современный уровень развития профессиональных сообществ и высокая степень их специализации детерминировали появление единиц особой формы, содержания и функций – номенов. О разграничении «терминологии» и «номенклатуры» впервые заговорил Хьюэлл (XIX век), необходимость этого разграничения была позднее подтверждена Г. О. Винокуром [4, с. 8] и А. А. Реформатским [15]. В первую очередь номены отличает более высокая степень конвенциональности: их произвольность при обозначении референтов детерминирована сложившейся традицией в определенной сфере. Например, **RM800. 5 щепорез, RM800. 7 дробилка дисково-ножевая, BISON III Speedy 500 гидравлический пресс**. Как видим, знаки обозначаемых объектов не мотивированы и не объединены в систему. В самом общем виде под номеном, вслед за Г. Г. Шпетом, понимаем «единицу лексиса, с помощью которой мы именуем в идимый предмет без установления его точного места в системе классификаций и без соотношения с другими» [17]. Г. П. Мельников определяет номен как единицу непосредственно соотнесенную «с предметами и объектами реальности, с уровнем «конто́са», а не с теоретическими единицами – понятиями об этих предметах, то есть не с единицами уровня «логоса» [13]. Таким образом, *номены* – единицы специальной сферы, непосредственно связанные с предметом и уже только через него с понятием и выполняющие номинативную функцию.

Профессиональное сообщество как социум определенного уровня и система обладает целым рядом параметров, свойственных обществу в целом: иерархия, внутренние и внешние связи, тенденции к самосохранению и усовершенствованию. Стремясь к самосохранению и росту, а также увеличению своей

роли в обществе, профессиональное сообщество не только отлаживает контакты с внешним миром, но видоизменяется и трансформирует свою внутреннюю профессиональную культуру. В основе открытого профессионального социума находится практическая деятельность, осуществляемая при помощи определенных орудий труда, на основе законодательно утвержденных актов. Профессиональный коллектив имеет связь с органами власти, обслуживаемую нормативной, литературной составляющей соответствующего профессионального подъязыка (нормой первого уровня), поэтому характеристика экзистенциональной формы существования языка должна включать параметры нормы первого и второго уровней.

Параметром, объединяющим все вышеперечисленные формы существования языка (жаргон, арг, сленг, кант и др.), является их структурное и функциональное соответствие норме второго уровня. Их отличие состоит в том, что некоторые из них не имеют соответствующего кодифицированного коррелята (арг преступников, воров, наркоманов), в то время как другим (жаргон компьютерщиков, программистов, жаргон музыкантов, студенческий жаргон) соответствует стройная систематизированная терминология.

Формы существования языка, имеющие соотношение с нормой второго уровня, предлагаем именовать *некодифицированные подъязыки* как составляющие профессионального подъязыка. Жаргоны – формы существования языка без соответствующего нормативного коррелята.

Таким образом, *жаргон* есть исторически сложившаяся, устойчивая для данного периода автономная экзистенциональная форма национального языка, обладающая только нормой второго уровня. Следовательно, термин *жаргон* становится применимым только к формам существования языка, не имеющим коррелята в виде нормы первого уровня и не применим в отношении нормы второго уровня профессионального подъязыка.

Норма второго уровня в составе профессионального подъязыка никогда не утрачивает своих связей с нормативной составляющей – стандартной, кодифицированной частью соответствующего профессионального подъязыка, реализуемой средствами терминосистемы. Студент, владея кодифицированным вариантом и заменяя его на некодифицированный в устной речи, всегда ощущает дихотомию «стандарт» – «субстандарт». Кроме того, термин *жаргон* в отношении некодифицированной части профессионального языка неудовлетворителен еще и тем, что нивелирует различия между социальными и профессиональными формами существования языка. Термин *некодифицированный подъязык* оказывается в этой ситуации намного предпочтительней, так как одна его часть – *подъязык* – указывает на связь с общенациональным языком, а вторая – *некодифицированный* – указывает на существование соответствующей стандартной части подъязыка – кодифицированной.

Выводы.

Таким образом, профессиональный *подъязык* есть исторически обусловленная, устойчивая форма существования национального языка, объективируемая в языковых средствах высокого и низкого регистров профессиональной коммуникации. Профессиональный подъязык является частью социально / профессионально-коммуникативной системы, включающей все языковые средства речевого общения конкретного профессионального социума и обеспечивающие процесс интеракции-коммуникации его членов в соответствии с социолингвистическими параметрами коммуникации и принятыми в ней нормами. Наличие связи или отличительного признака социально-профессионального характера (корпоративность) объединяет людей той или иной группы и выделяет их из всего общества в целом и, чем больше значения придают члены группы этому признаку, тем сильнее их сплоченность (внутригрупповой конформизм, профессиональная герметика) и их противопоставленность другим группам людей (внегрупповой неконформизм). Одним из проявлений внутригруппового конформизма является профессиональный подъязык как средство общения корпорации.

Литература

1. Андреев, Н. Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении / Н. Д. Андреев. – Л., 1967.
2. Баранникова, Л. И. Виды специальной лексики и их экстралингвистическая особенность / Л. И. Баранникова, С. И. Массина // Язык и общество: Межвуз. сб. научн. тр. Вып. 9. Особенности развития и функционирования общей и специальной лексики. – Саратов, 1993. – С. 3–15.
3. Бревна для сруба. – URL: http://pskovrub.ru/articles/brevno_dlya_srub.html
4. Винокур, Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии / Г. О. Винокур // Тр. Моск. ин-та истории, философии и литературы. Филологический ф-т. Т. 5. – М., 1939. – С. 3–54.
5. Гринев-Гриневич, С. В. Введение в терминологию: Учеб. пособие. – М., 2009.
6. Демчук, А. В. Модернизация технологического оборудования харвестера для повышения эффективности вывозки сортиментов / А. В. Демчук. – URL: <http://ivdon.ru/ru/magazine/archive/n2y2012/834>
7. Капанадзе, Л. А. О понятии «термин» и «терминология» / Л. А. Капанадзе // История отечественного терминоведения. Т. 2. Направления и методы терминологических исследований. – М., 1999. – С. 260–271.
8. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М.; Волгоград, 1992.
9. Караулов, Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю. Н. Караулов // Язык и личность. – М., 1989. – С. 3–8.
10. Коровушкин, В. П. Контрастивная социодialeктология как автономная лингвистическая дисциплина / В. П. Коровушкин // Язык в современных общественных структурах (социальные варианты языка – IV): Материалы Междунар. науч. конф., Н. Новгород 21–22 апреля 2005 г. – Н. Новгород, 2005. – С. 7–13.
11. Коровушкин, В. П. Теоретические основы контрастивной социолексикологии / В. П. Коровушкин. – Череповец, 2009.

12. Лаврова, А. Н. О специальных подъязыках (LSP) / А. Н. Лаврова // Самостоятельная работа студентов в условиях современной информационной среды: Материалы Всерос. научно-метод. конф. (Н. Новгород 19–22 мая 1998 г.). – URL: http://www.nntu.ru/RUS/NEWS/t4_d6.htm, свободный.

13. Мельников, Г. П. Основы терминоведения / Г. П. Мельников. – М., 1991.

14. Никулина, Е. А. Терминологизмы как результат взаимодействия и взаимовлияния терминологии фразеологии современного английского языка: дис. ... д-ра филол. наук / Е. А. Никулина. – М., 2005.

15. Реформатский, А. А. Что такое термин и терминология / А. А. Реформатский // Вопросы терминологии: Материалы Всесоюзного терминологического совещания. – М., 1961. – С. 46–54.

16. Солнышкина, М. И. Морской профессиональный язык / М. И. Солнышкина. – М., 2005.

17. Ходакова, А. Г. Терминологическое понятие в профессиональном и повседневном общении / А. Г. Ходакова // Язык и межкультурная коммуникация: Материалы II Международной научно-практической конференции (Великий Новгород, 19–20 мая 2011 г.) / отв. ред. О. А. Александрова, Е. Ф. Жуков: в 2 т. – В. Новгород, 2011. – Т. 1. – С. 396–398.

УДК 81

В. Г. Дидковская

*Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород)*

О СИСТЕМНЫХ СВОЙСТВАХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ

В статье анализируются основные системные свойства фразеологических сочетаний русского языка, объединяющие их с фразеологизмами-идиомами. Автор приходит к выводу, что свойства фразеологических сочетаний свидетельствуют о существенных расхождениях между ними и фразеологическими единицами, препятствующих их объединению в одну фразеологическую парадигму.

Фразеологические сочетания, идиомы, фразеологическая парадигма.

The paper analyses the main system properties of phraseological combinations of the Russian language combining them with the phraseological idioms. The author concluded that the properties of phraseological combinations suggested the essential differences between them and phraseological units hindering their combination into one phraseological paradigm.

Phraseological combinations, idioms, phraseological paradigm.

Введение.

Ю. Н. Караулов называет системный подход к изучению явлений языка одним «из четырех китов», на которых базируется научная парадигма современной лингвистики. Системный подход имеет своей целью познание сложного языкового объекта как определенной системы, существующей в единстве субстантных и структурных показателей, определяющих его качественную природу. В то же время системность предполагает соотнесение изучаемого явления с другими составляющими более сложной общей системы, частью которой он является. Это позволяет произвести, с одной стороны, интеграцию объекта, а с другой стороны, его делимитацию, что оказывается весьма важным при описании неоднозначно определяемых, сложных по языковой сущности единиц.

Любая единица языка предстает носительницей триады свойств: *субстантных*, присущих ей в единстве формы и содержания в составе сверхпарадигмы, *реляционных*, заданных парадигматически и синтагматически, и *системных*, манифестирующих ее уровневую локализацию. Они существуют в неразрывном единстве и взаимопределяют друг друга: субстантная природа языковой единицы предсказывает ее реляционные и системные показатели, а они в свою очередь влияют на формирование сущностных параметров. Таким образом, исследуя, например,

уровневую локализованность языковых единиц, мы получаем возможность объективно судить о природе их сущностных свойств и о качественном различии (или сходстве) с единицами других уровней, и напротив, анализируя сущностные, субстантные свойства, возможно с максимальной объективностью решить вопрос о месте их носителей в системе языка.

Основная часть.

По отношению к русской фразеологии системный подход имеет решающее значение для решения двух вопросов: о существовании особого фразеологического уровня в системе русского языка и о качественном составе самой фразеологии. Второй из них, традиционно формулируемый как вопрос об объеме и границах фразеологии, постепенно утрачивает остроту и яркую дискуссионность, свойственные ему в 70–80-е гг. прошлого века. В исследованиях последних лет прослеживается тенденция к признанию неоднородности состава фразеологических единиц (ФЕ): все «шесть фразеологий», выделенных В. Н. Телия [10], включаются как составные части в макрообъект изучения единой науки «Фразеология». Либерализация подхода к объему языковых фактов, определяемых как «фразеология русского языка», открывает новые возможности для исследования фразеологического пространства, так как не ограничивает сферу научного анализа определенным клас-